

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Куракин Александр Александрович

Институциональные изменения в социально-экономической организации сельских сообществ постсоветской России: от колхозного симбиоза к корпоративной социальной ответственности и кооперации

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель
к.э.н. Никулин Александр Михайлович

Москва – 2022

Постановка проблемы исследования: от симбиоза и патронажа к корпоративной социальной ответственности (КСО)

В рамках позднесоветской плановой экономики колхозы и совхозы объединяли в себе экономические и социальные функции. Можно сказать, что они осуществляли патронаж сельской территории и сельского населения. Они были не просто производителями сельскохозяйственной продукции, но и хозяевами всей сельской местности, на которой работали и за которую отвечали. Во-первых, колхозы и совхозы держали на своем балансе сельскую инфраструктуру и социальную сферу. Во-вторых, между колхозами и совхозами с одной стороны, и личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) их работников с другой стороны сложился своего рода симбиоз, основанный на негласной договоренности, что работники используют ресурсы крупного хозяйства для своих ЛПХ, а взамен демонстрируют лояльное поведение и более-менее прилежно работают на коллективное хозяйство. Оба эти аспекта в сильной степени определяют качество жизни сельского населения.

Отношение советского государства к ЛПХ было неоднозначным и менялось в разные периоды. Порой оно было настороженным и даже откровенно враждебным, т.к. ЛПХ рассматривались как наследие капиталистических отношений. Однако в позднесоветское время ЛПХ были фактически легитимированы. В итоге ЛПХ устояли и стали неотъемлемой частью советской аграрной системы, с которыми большую часть советской истории государство скорее мирилось (терпело), нежели приветствовало. Пройдя ряд преобразований, к позднесоветскому периоду сельское хозяйство эволюционировало к модели с двумя основаниями, представленными, с одной стороны, колхозами и совхозами, а с другой – личными подсобными хозяйствами их работников. Хотя почти вся земля обрабатывалась крупными хозяйствами, ЛПХ, используя простой ручной труд, умудрялись производить существенную долю сельскохозяйственной продукции по стране. Это происходило благодаря симбиозу с крупными хозяйствами, которые предоставляли работникам материальные ресурсы и услуги для эффективного ведения ЛПХ.

Неформальный социальный контракт между советскими предприятиями и их работниками подразумевал, помимо прочего, обмен труда в коллективном хозяйстве на ресурсы, которые можно получить от колхоза для ведения ЛПХ. Эти ресурсы могли быть напрямую переданы от колхоза или же украдены при попустительстве председателя. Взамен, председатель ожидал более мотивированного труда от своих работников, необходимого, чтобы выполнить план. В итоге обе стороны были заинтересованы друг в друге.¹

Колхозы (совхозы) не были чисто экономическими организациями. Они обеспечивали социальную инфраструктуру: дороги, воду, газ, отопление, сельские клубы, школы и детские сады. Нередко реальным главой сельского сообщества становился председатель

¹ Никулин А.М. Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества / Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002, С.343-373. Amelina M. Why Russian Peasants Remain in Collective Farms: A Household Perspective on Agricultural Restructuring // Post-Soviet Geography and Economics. 2000. Vol.41, No.7, P. 483-511.

колхоза, а не глава администрации. В целом симбиотические отношения давали три преимущества сельским жителям: гарантированную долгосрочную занятость, поддержку ЛПХ и социальной инфраструктуры поселения.² Более того, влияние колхозов и совхозов на повседневную жизнь сельского населения выходило за рамки взаимоотношений с ЛПХ и поддержки сельской инфраструктуры. Предприятия участвовали в личных (свадьбы, похороны, пожары и т.п.) и общественных мероприятиях (праздники, спортивные и культурные мероприятия и т.п.), являясь своего рода финансово-материальной и организационной основой для периодических и экстренных событий в сельской жизни. Сегодня мы могли бы охарактеризовать данные взаимоотношения в терминах корпоративной социальной ответственности (КСО), хотя предприятия советского сельского хозяйства корпорациями не были. Здесь присутствуют почти все отличительные черты скрытой КСО: коллективизм, системное действие и солидарность (подробнее о явной и скрытой формах КСО см. ниже).³

У предприятий были как инструментальные мотивы (экономические, политические, например, обеспечение достаточных трудовых усилий от работников), так и внутренние (моральные) мотивы вступать в симбиотические и патронажные отношения. С течением времени, симбиоз и социальный патронаж стали традиционными практиками, ожидаемыми от руководства предприятия со стороны государства, работников и общества в целом, которые воспринимали их как моральную обязанность предприятия.

Точкой отсчета для понимания постсоветских изменений в социальных практиках сельскохозяйственных предприятий является наследие советского симбиоза (и шире – патронажа) между колхозом (совхозом) и домохозяйствами в рамках плановой экономики.

Слом советской системы нарушил баланс в практиках симбиоза и патронажа. В период кризиса сельского хозяйства и аграрной сферы в целом (1990-е годы) институциональный переход от плановой колхозно-совхозной системы сопровождался деградацией как сельскохозяйственного производства, так и сельских сообществ. На данном этапе можно было наблюдать как примеры сохранения в большей или меньшей степени колхозно-совхозных отношений на селе (симбиоза и патронажа), так и примеры разрыва с советским прошлым. Период с начала 2000-х годов можно назвать новым этапом в развитии сельской России. Во-первых, переходный период институциональной перестройки был завершен. Сложился новый баланс, вызванный становлением крупного аграрного капитала. Во-вторых, сельское хозяйство стало демонстрировать быстрый экономический рост.

Если в советское время предприятия обеспечивали широкую поддержку ЛПХ и сельской инфраструктуре, то наступившая маркетизация социальных отношений стала вынуждать предприятия сокращать или вовсе сворачивать подобную деятельность. Тем не менее,

² Безусловно, коллективное сельское хозяйство СССР имело множество недостатков. См., например, критические воспоминания о повседневности колхозов, где, между прочим, присутствуют описанные нами черты, правда, в критическом ключе: Абовин-Егидес П. Философ в колхозе. М., 1998.

³ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

подобные изменения происходили в разной степени в зависимости от предприятий и регионов. Мы рассмотрим, как менялись социальные обязательства предприятий, и какие факторы влияют на сокращение или продолжение этой социальной поддержки.

Наш основной тезис опирается на литературу по корпоративной социальной ответственности и предполагает два основных пути трансформации: превращение советского патронажа и симбиоза в модель явной КСО (explicit CSR) и видоизмененное сохранение практик симбиоза в виде модели скрытой КСО (implicit CSR).⁴ Мы считаем, что формирование явной либо скрытой модели социальной ответственности бизнеса на базе советской системы патронажа зависит от распределения власти между тремя основными акторами: сельскохозяйственными предприятиями, государством и сельскими сообществами. Определяющими здесь являются властные возможности крупного агробизнеса и региональных администраций.

Явная КСО представляет собой артикулированный элемент корпоративной политики. Корпорации стремятся сделать ее видимой для общества, в том числе на глобальном уровне с помощью своих вебсайтов и ежегодных отчетов. Предприятия формируют свой положительный образ через поддержку спорта и культуры, сохранение природы и т.п. Подобная модель КСО направлена, в первую очередь, на акционеров и потребителей. Здесь главенствуют стратегические (инструментальные) мотивы, а сами действия являются добровольными, необязательными.⁵

Скрытая КСО является само собой разумеющимся элементом институциональной среды предприятия. У предприятия, по сути, нет выбора, кроме как следовать негласным нормам и ценностям общества и/или государства. Это не добрая воля, а скорее обязанность, навязанная институциональным окружением. Для сравнения этих двух моделей КСО, авторы используют следующий набор противопоставлений: коллективизм/индивидуализм, обязательное/необязательное действие, солидарность/либерализм.⁶ Они считают модель явной КСО производной от либерального капитализма с центром в США, тогда как модель скрытой КСО проистекает из рейнской модели координированного капитализма, характерной для континентальной Европы, в которой государство и иные общественные акторы (например, профсоюзы) играют более значимую роль.⁷

⁴ Matten D., Moon J. 'Implicit' and 'Explicit' CSR: A Conceptual Framework for a Comparative Understanding of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. 2008. Vol.33, No.2, P. 404-424. Bondy K., Matten D., Moon, J. Multinational corporation codes of conduct: Governance tools for corporate social responsibility? // Corporate Governance: An International Review. 2008. Vol.16, No.4, P. 294-311. Sotorrio L., Sanchez J. Corporate social responsibility of the most highly reputed European and North American firms // Journal of Business Ethics. 2008. Vol.82, No.2, P. 379-390.

⁵ Matten D., Moon J. 'Implicit' and 'Explicit' CSR: A Conceptual Framework for a Comparative Understanding of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. 2008. Vol.33, No.2, P. 410.

⁶ Matten D., Moon J. 'Implicit' and 'Explicit' CSR: A Conceptual Framework for a Comparative Understanding of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. 2008. Vol.33, No.2, P. 411.

⁷ Hall P., Soskice D. (eds). Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Советские колхозы и совхозы, безусловно, не были корпорациями. Однако на практике они обладали определенной свободой в принятии решений в рамках плановой экономики. Поэтому их взаимоотношения с социальной средой являются вполне релевантной исторической точкой отсчета при изучении последующего развития КСО уже в рамках капиталистического хозяйства. Мы будем сравнивать явную и скрытую модели КСО по следующим основаниям/индикаторам.⁸

(1) Мотивация. Здесь мы различаем инструментальную мотивацию (экономическую или политическую), вызванную давлением со стороны государства, и социальную (или внутреннюю) мотивацию, основанную на нормах и обычаях. Безусловно, это идеально-типическое разделение, т.к. в реальности источники мотивации переплетаются. Речь может идти, скорее, о преобладании того или иного источника.

(2) Формализация. Для явной КСО характерна высокая степень формализации, выраженная не только в прописанных программах, но и в разделении требований и ожиданий разных стейкхолдеров, т.е. четкой демаркации социальной среды на важные и неважные группы. Для скрытой КСО группы переплетены, а границы размыты.

(3) Заметность. Для явной КСО характерно стремление манифестировать свою деятельность, т.к. во многом для этого она и проводится. Наиболее часто КСО представлена на вебсайтах и в ежегодных отчетах.

В сельской России мы видим оба тренда, т.е. разложение советского патронажа и симбиоза на два вектора: 1) явная КСО разрывает с советской традицией и приходит в сельскую местность через городских инвесторов, принесших с собой практики и словарь модели явной КСО; 2) скрытая КСО является модифицированной версией советских практик патронажа и симбиоза. Выбор того или иного вектора определяется отношениями власти между предприятиями, государством и сельскими сообществами.⁹

Обеспечение качества жизни сельского населения зависит не только от поведения крупных сельхозпроизводителей, но и от самоорганизации самого сельского населения. Это так называемый «третий путь», лежащий вне дихотомии государства и крупного капитала. Одним из механизмов такой самоорганизации являются кооперативные инициативы. Еще на закате советской эпохи альтернативой и противовесом колхозному патронажу над социальной сферой села виделась сельская кооперация.¹⁰ Кооперативная тематика раскручивалась и в постсоветское время как механизм развития малых форм хозяйствования на селе, когда население берет бразды правления в свои руки. Формально

⁸ Ven B., Graafland J. Strategic and Moral Motivations for Corporate Social Responsibility / MPRA paper no. 20278. 2006. <http://mpra.ub.uni-muenchen.de/20278>. Matten D., Moon J. 'Implicit' and 'Explicit' CSR: A Conceptual Framework for a Comparative Understanding of Corporate Social Responsibility // The Academy of Management Review. 2008. Vol.33, No.2, P. 404-424.

⁹ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

¹⁰ И не только сельская, а кооперация вообще, набравшая популярность во время горбачевской перестройки. О сельскохозяйственной кооперации см., например: Серова Е.В. Сельскохозяйственная кооперация в СССР М.: Агропромиздат, 1991.

кооперативам был дан шанс на повторение успехов кооперативного движения в дореволюционной России, так как кооперативы были выведены из-под прямого государственного контроля, характерного для советской кооперации.

Таким образом, сельская Россия оказалась в новой для себя ситуации, порождая несколько взаимосвязанных исследовательских вопросов. В какой степени новый баланс социальных сил, возникший в условиях становления аграрного капитализма, отличается от старого колхозного симбиоза? Сохраняются ли зоны, где бывшие симбиоз и патронаж лишь формально трансформировались? Как и почему советские практики симбиоза и патронажа разлагаются на модели явной и скрытой КСО? Каковы перспективы самоорганизации сельского населения в форме сельскохозяйственной кооперации? Эти вопросы являются предметом представленной работы, посвященной, во-первых, взаимодействию сельских сообществ с корпоративными сельскохозяйственными производителями, и во-вторых, проблемам самоорганизации (производство в ЛПХ и кооперация). В совокупности они высвечивают некоторые аспекты многообразия форм социально-экономической организации сельских сообществ в постсоветской России.

В данной работе мы не обсуждаем пути сельского развития России в целом, т.к. это слишком большая тема. Вместо этого, мы фокусируем внимание лишь на два аспекта сельской трансформации: изменениях взаимоотношений сельскохозяйственных предприятий и сельских сообществ, а также кооперативной самоорганизации. Оба этих аспекта можно отнести к сфере экономики, однако мы рассматриваем их с социологической точки зрения как исключительно социальные явления и процессы. Здесь мы опираемся на традицию так называемой новой экономической социологии¹¹, которая сформировалась в свое время вокруг концепции укорененности экономического действия в социальных отношениях¹² и отвергает ранее сложившееся разделение сфер исследования на экономику и общество, которые изучаются, соответственно, экономистами и социологами¹³. Подобная фокусировка на сельскохозяйственных предприятиях и кооперативах неизбежно упрощает и схематизирует получаемую картину, т.к. из рассмотрения убираются такие макросоциальные феномены как сельская депопуляция и старение населения, встречные миграционные потоки между городом и деревней, безработица и отходничество, неуклонное снижение роли сельскохозяйственной занятости и сельского хозяйства в целом в жизни сельских поселений (подробнее см. в п.6 результатов исследования).

Несколько уточнений об ограничениях данной работы. Во-первых, проблемы государственной поддержки остаются за рамками данного исследования, которая, безусловно, оказывает влияние на социально-экономическую организацию сельских сообществ. Разумеется, государство присутствует в рассматриваемых нами регионах, но

¹¹ Классика новой экономической социологии. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

¹² Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2002, Т.3, №3, С.44-58.

¹³ Hodgson G. Marshall, Schumpeter, and the Shifting Boundaries of Economics and Sociology / Marshall and Schumpeter on Evolution: Economic Sociology of Capitalist Development. Cheltenham: Edward Elgar, 2008. P.93-115.

оно не находится в нашем исследовательском фокусе (за исключением кооперативного сюжета). Следовательно, за рамками рассмотрения остаются варианты сильного (возможно, даже авторитарного) регионального управления, когда местные власти являются мощным противовесом крупному аграрному капиталу и влияют на взаимоотношения предприятий и сельских муниципалитетов. Во-вторых, рассматриваемые нами примеры Краснодарского и Алтайского краев, иллюстрирующие трансформацию в сторону, соответственно, явной и скрытой КСО, описывают ситуацию в развитых в аграрном плане территориях страны (по сути, аграрных лидеров своих макрорегионов). Следовательно, из анализа исключаются аграрно-депрессивные регионы страны. В-третьих, основа используемого эмпирического материала покрывает период с 2010 по 2015 гг. (используемые данные за 2017 г. носят скорее вспомогательный характер). В плане анализа взаимоотношений предприятий с сельскими сообществами это накладывает ограничения в связи с принятием в 2013г. федерального закона №44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Данный закон приводит к неизбежной формализации и институционализации взаимоотношений сельских муниципалитетов с сельскохозяйственными предприятиями. Что раньше осуществлялось зачастую неформально, то теперь все чаще переводится на контрактные взаимоотношения.

Степень разработанности проблемы

Становление аграрного капитализма в России, безусловно, обладает своей спецификой, как специфична история любого общества и государства. Однако невозможно игнорировать тот факт, что аграрный капитализм – это глобальный феномен, характерный для множества стран и обществ, пусть каждый случай и обладает своими особенностями. В Западных обществах этап становления аграрного капитализма давно завершен, в отличие от многих стран Третьего мира. В этом плане, события, связанные со становлением аграрного капитализма в развивающихся странах, являются неплохим сравнительным ориентиром при анализе капиталистических трансформаций в аграрной сфере России.

Тема становления глобального аграрного капитализма активно изучается в международной академической литературе, выстраиваются макросоциологические концепции эволюции международной продовольственной системы в сторону центральной роли глобальных корпораций (Т. Байрс, Г. Бернстайн, Ф. МакМайкл, Х. Фридман, К. Кэй). Преобладает, главным образом, марксистский взгляд на аграрное развитие.¹⁴ Поэтому глобальная агропродовольственная система подвергается всесторонней критике. Одна из главных стрел данной критики направлена на негативное влияние аграрного капитализма на жизнь традиционных сельских сообществ развивающихся стран. На примере стран

¹⁴ Byres T., Bernstein H. From Peasant Studies to Agrarian Change // Journal of Agrarian Change. 2001. Vol.1, No.1, P. 1-56. Бернстайн Г. Социальная динамика аграрных изменений. М.: РАНХиГС, 2016. Byres T. In Pursuit of Capitalist Agrarian Transition // Journal of Agrarian Change, 2016, Vol.16, No.3, P.432-451. Edelman M, Wolford W. Introduction: Critical Agrarian Studies in Theory and Practice // Antipode. 2017. Vol.49, No.4, P. 959-976. Akram-Lodhi A., Kay C. Surveying the Agrarian Question (part 2): Current Debates and Beyond // Journal of Peasant Studies. 2010, Vol.37, No.2, P. 255-284. McMichael P. Development and Social Change: A Global Perspective. Sage Publications, 2017. Friedmann H. World Market, State, and Family Farm: Social Bases of Household Production in the Era of Wage Labor // Comparative Studies in Society and History. 1978. Vol.20, No.4, P. 545-586.

Третьего мира (Африка, Латинская Америка, Юго-Восточная Азия) критики показывают обратную сторону становления капитализма в национальных сельских хозяйствах, а также последствия вторжения транснационального аграрного и финансового капитала. В частности, демонстрируются разрушение традиционного образа жизни и вытеснение местного населения и мелких форм хозяйствования, обнищание и безработица традиционного крестьянства¹⁵, захват земель¹⁶, приход монокультур и уменьшение биоразнообразия (вытеснение традиционных культур)¹⁷, зависимость от глобального капитала (через кредиты и финансиализацию)¹⁸, хищническое отношение к природе и людям, ориентация сельского хозяйства на экспорт и внешние рынки, а не на нужды местного населения, неустойчивое развитие.¹⁹ Как реакция, возникают локальные и глобальные сельские протестные движения и организации. Например, глобальная Via Campesina (крестьянский путь) или MST (движение безземельных) в Бразилии.²⁰

В академической среде предлагаются альтернативы сложившейся глобальной агропродовольственной системе.²¹ Значимое место занимают народнические подходы (в англоязычной традиции – популистские) с опорой на традицию К. Поланьи, Дж. Скотта, А. Чаянова, Т. Шанина.²² Центральным тезисом здесь выступает утверждение, что крестьянские (семейные, фермерские, мелкотоварные) способы сельскохозяйственного

¹⁵ Akram-Lodhi A., Kay C. (eds.). *Peasants and Globalization: Political Economy, Rural Transformation and the Agrarian Question*. Routledge, 2009. Hobsbawm E. *Peasants and politics* // *The Journal of Peasant Studies*, 1973, Vol.1, No.1, P.3-22.

¹⁶ Borras S., Franco J. *Global Land Grabbing and Political Reactions ‘From Below’* // *Third World Quarterly*. 2013, Vol.34, No.9, P. 1723-1747. Hall D. *Primitive Accumulation, Accumulation by Dispossession, and the Global Land Grab* // *Third World Quarterly*. 2013, Vol.34, No.9, P. 1582-1604. McMichael P. *Rethinking Land Grab Ontology* // *Rural Sociology*. 2014, Vol.79, No.1, P. 34-55.

¹⁷ Buscher B., Sullivan S., Neves K., Igoe J., Brockington D. *Towards a Synthesized Critique of Neoliberal Biodiversity Conservation* // *Capitalism, Nature, Socialism*. 2012. Vol.23, No.2, P. 4-30. Fairhead J., Leach M., Scoones I. *Green Grabbing: A New Appropriation of Nature?* // *Journal of Peasant Studies*. 2012. Vol.39, No.2, P. 237-261.

¹⁸ Clapp J. *Financialization, Distance and Global Food Politics* // *Journal of Peasant Studies*. 2014, Vol.41, No.5, P. 797-814. Fairbairn M. *‘Like Gold with Yield’: Evolving Intersections Between Farmland and Finance* // *The Journal of Peasant Studies*. 2014, Vol.41, No.5, P. 777-795. Clapp J., Isakson R. *Speculative Harvests: Financialization, Food, and Agriculture*. Fernwood Publishing, 2018.

¹⁹ Friedmann H. *Paradox of Transition: Two Reports on How to Move Towards Sustainable Food Systems* // *Development and Change*. 2017. Vol.48, No.5, P. 1210–1226. McKay B., Alonso-Fradejas A., Ezquerro-Canete A. (eds.). *Agrarian Extractivism in Latin America*. Routledge, 2021.

²⁰ Borras S., Edelman M., Kay C. *Transnational Agrarian Movements: Origins and Politics, Campaigns and Impact* // *Journal of Agrarian Change*. 2008, Vol.8, No. 2-3, P. 169-204. Borras S. *La Via Campesina and its Global Campaign for Agrarian Reform* // *Journal of Agrarian Change*. 2008, Vol.8, No.2-3, P. 258-289. Martinez-Torres M., Rosset P. *La Via Campesina: The Birth and Evolution of a Transnational Social Movement* // *Journal of Peasant Studies*. 2010. Vol.37, No.1, P. 149-175. Welch C., Sauer S. *Rural Unions and the Struggle for Land in Brazil* // *Journal of Peasant Studies*. 2015, Vol.42, No.6, P. 1109-1135.

²¹ Ploeg J., Ye J., Schneider S. *Rural Development through the Construction of New, Nested, Markets: Comparative Perspectives from China, Brazil and the European Union* // *Journal of Peasant Studies*. 2012, Vol.39, No.1, P. 133-173.

²² Плуг Я. *Крестьянство и искусство сельского хозяйства: чаяновский манифест*. М.: Дело, 2017. Escher F., Schneider S., Ye J. *The Agrifood Question and Rural Development Dynamics in Brazil and China: Towards a Protective ‘Counter-movement’* // *Globalizations*. 2017, Vol.15, No.1, P. 92-113. Schneider S., Niederle P. *Resistance Strategies and Diversification of Rural Livelihoods: The Construction of Autonomy Among Brazilian Family Farmers* // *The Journal of Peasant Studies*. 2010, Vol.37, No.2, P. 379-405.

производства не обречены на вымирание, обладают внутренней устойчивостью и способны конкурировать с капиталистическим сельским хозяйством.

Отдельно проводятся исследования сельскохозяйственной кооперации, которая представляется как альтернатива классической капиталистической фирме.²³ Кооперативы видятся как средство преодоления негативных последствий аграрного капитализма.²⁴

В итоге, взаимоотношения аграрного капитала и традиционных (во многом, крестьянских) сельских сообществ трактуются как антагонистические. Традиционные сельские сообщества представляются как жертвы капиталистической аграрной трансформации, а сами академические исследования нередко сопровождаются социальным активизмом.²⁵

Россия в подобных международных дискуссиях занимает довольно скромное место несмотря на то, что аграрный капитализм (пусть и с местной спецификой) здесь развивается весьма бурными темпами. Тем не менее, этапы аграрной эволюции России отражены в ряде исследований российских и зарубежных ученых (С. Барсукова, С. Вегрен, З. Калугина, Ц. Лерман, П. Линднер, Т. Нефедова, А. Никулин, Дж. Пэллот, Е. Серова, В. Узун, О. Фадеева, Н. Шагайда, Р. Янбых). Здесь мы остановимся исключительно на аграрной сфере, понимая при этом, что аграрные трансформации были частью общих изменений в постсоветской России – в экономике, политике, социальной структуре.²⁶

Что касается проблемы взаимоотношений аграрного капитализма с семейными формами хозяйствования и сельскими сообществами, то ее предыстория зародилась еще в советской аграрной литературе, т.е. до зарождения капитализма как такового, в виде проблемы личных подсобных хозяйств. Дискуссия шла, прежде всего, по вопросу легитимации данной хозяйственной формы в рамках социалистической плановой экономики. Легитимация произошла еще в перестроечный период²⁷, а на первых этапах посткоммунистических аграрных реформ фигура крестьянина или фермера стала центральной в аграрном дискурсе.²⁸

²³ Zeuli, K., Cropp, R. Cooperatives: Principles and Practices in the 21-st Century. Cooperative Extension Publications, University of Wisconsin-Extension, 2004.

²⁴ На странице Международного кооперативного альянса подчеркивается отличие кооператива от фирмы и акцентируется его направленность на ценности, людей и устойчивое развитие (<https://www.ica.coop/en/cooperatives/what-is-a-cooperative>)

²⁵ Borrás S. Land Politics, Agrarian Movements, and Scholar-Activism. Paper presented to the International Institute of Social Studies, Erasmus University. 2016, 14 April.

²⁶ Например, развитие крупного аграрного капитала шло параллельно (правда, с запозданием) развитию крупного капитала в других сферах, где создавались интегрированные бизнес-группы. Последним значимым этапом в эволюции крупных предприятий в России стало усиление роли государства в виде формирования госкорпораций, чего в аграрном секторе до сих пор не произошло. См., например: Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

²⁷ См., например: Симуш П.И. Облик хозяина земли: новейшие и традиционные черты. М.: Мысль, 1987. Обзор по теме см.: Куракин А. А. Сельское хозяйство СССР глазами современников – 2 (1985–1991 гг.) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 97-126.

²⁸ См., например: Баландин Ю.С. Крестьянское хозяйство. М.: Агропромиздат, 1992. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / Сост. Т. Шанин. М.: Прогресс, 1992. Обзор см.: Куракин А. А.

Первоначальное очарование крестьянином-предпринимателем скоро прошло на фоне широко критиковавшихся аграрных реформ и упадка национального сельского хозяйства.²⁹ Вместо формирования слоя сельских предпринимателей произошла интенсификация полунатуральных хозяйств бывших работников колхозов и совхозов.³⁰ Одновременно с этим, сформировалась концептуальная модель симбиоза крупных сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств, зародившаяся еще в рамках позднесоветской плановой экономики и перешедшая «по наследству» в новую институциональную среду частных капиталистических предприятий.³¹

Также были зафиксированы процессы дифференциации взаимоотношений между предприятиями и сельскими сообществами, когда отсталые предприятия сохраняли симбиоз, а успешные избавлялись от него.³² В начале века начался новый этап аграрной эволюции, связанный с приходом внешних инвесторов в сельское хозяйство, зарождением агрохолдингов.³³ В отличие от многих стран так называемого «Третьего мира» (или развивающихся стран), глобальный аграрный капитал хоть и пришел в Россию, но не стал здесь доминирующей силой, не вытеснил местный аграрный капитал. Данный процесс был связан с концентрацией (захватом) земель.³⁴ В совокупности все это приводило к разнонаправленным векторам аграрного развития разных регионов России, где складывались разные хозяйственные уклады.³⁵ Разным образом складывались

Сельское хозяйство России глазами современников (1992–1995 гг.) // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 93-119.

²⁹ Обзор см.: Куракин А. А. Сельское хозяйство России глазами современников (1996–2000 гг.) // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 5. С. 127-155.

³⁰ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2000.

³¹ Никулин А.М. Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества / Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002, С.343-373. Никулин А.М. Конгломераты и симбиозы в России: село и город, семьи и предприятия / Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999, С.240-269. Amelina M. Why Russian Peasants Remain in Collective Farms: A Household Perspective on Agricultural Restructuring // Post-Soviet Geography and Economics. 2000. Vol.41, No.7, P. 483-511.

³² Линднер П. Дифференциация продолжается: репродукционные круги богатства и бедности в сельских сообществах России / Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002, С.386-406.

³³ Rylko D., Jolly R. Russia's New Agricultural Operators: Their Emergence, Growth, and Impact // Comparative Economic Studies. 2005. Vol.47, No.5, P. 115-126. Epshtein D., Hahlbrock K., Wandel, J. Why are Agroholdings so Pervasive in Russia's Belgorod Oblast? Evidence From Case Studies and Farm-Level Data // Post-Communist Economies. 2013. Vol.25, No.1, P. 59-81. Davydova I., Franks J. 2015. The Rise and Rise of Large Farms: Why Agroholdings Dominate Russia's Agricultural Sector // Mir Rossii. No. 3, pp. 133-159. Узун В., Шарайда Н, Сарайкин В. Агрохолдинги в России и их роль в производстве зерна // FAO Regional Office for Europe and Central Asia Policy. Studies on Rural Transition. 2012. №2012-2.

³⁴ Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. Oligarchs, Megafarms and Land Reserves: Understanding Land Grabbing in Russia // Journal of Peasant Studies. 2012, Vol.39, No.3-4, P. 899-931. Земельная аккумуляция в начале XXI века: глобальные инвесторы и локальные сообщества. М.: Дело, 2012.

³⁵ Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009. Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М.: Дело, 2012. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

взаимоотношения сельских сообществ и личных подсобных хозяйств с одной стороны, и аграрных предприятий – с другой.³⁶

В исследованиях отмечается, что государственная аграрная политика сделала ставку на крупных сельхозпроизводителей, добившись заметных успехов в валовых показателях сельскохозяйственного производства³⁷, что, однако, породило риски доминирования индустриального сельского хозяйства, связанные с устойчивым развитием и экологическими последствиями.³⁸ Также отмечается оживление и фермерского сектора, несмотря на конкуренцию с крупными агрокорпорациями.³⁹ Мелкие же сельхозпроизводители (сельские подворья) в одних случаях объявляются важным источником продовольственного суверенитета⁴⁰, а в других случаях – выброшенными за борт истории.⁴¹

Что касается кооперативной самоорганизации населения, то, несмотря на преобразование советской системы сельской кооперации и появление кооперативов нового типа (СПоК – потребительские кооперативы вне системы Центросоюза), данный способ организации мелких сельхозпроизводителей на селе пока находится в зачаточном состоянии.⁴² Попытки государства запустить кооперацию сверху (т.к. низовые кооперативные инициативы крайне слабы) в целом оказываются неудачными и сталкиваются с формализмом и кампанейщиной на региональном уровне. К тому же, для современного российского села характерна слабая экономическая и политическая самоорганизация сельских сообществ.⁴³ На общем фоне, однако, есть примеры заинтересованного

³⁶ Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. Pallot J., Nefedova T. Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Postsocialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press, 2007.

³⁷ Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. Food Policy and Food Security: Putting Food on the Russian Table. Lexington Books, 2018.

³⁸ Вегрен С., Троцук И. В. Устойчиво ли промышленное сельское хозяйство в условиях климатических изменений и экологических угроз? // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 5, С. 12–38. Visser O., Spoor M., Mamonova N. Is Russia the Emerging Global 'Breadbasket'? Re-cultivation, Agroholdings and Grain Production // Europe-Asia Studies. 2014. Vol.66, No.10, P. 1589-1610.

³⁹ Wegren S. Private Farming in Russia: An Emerging Success? // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol.27, No.3, P. 211–240.

⁴⁰ Visser O., Mamonova N, Spoor M., Nikulin A. 'Quiet Food Sovereignty' as Food Sovereignty without a Movement? Insights from Post-socialist Russia // Globalizations. 2015. Vol. 12, No.4, 513-528.

⁴¹ Wegren, S. The "Left Behind": Smallholders in Contemporary Russian Agriculture // Journal of Agrarian Change. 2018. Vol.18, No.4, P. 913-925.

⁴² Yanbykh R., Saraikin V., Lerman Z. Cooperative Tradition in Russia: A Revival of Agricultural Service cooperatives? // Post-Communist Economies. 2019. Vol.31, No.6, P. 750-771. Сарайкин В. А., Янбых Р. Г. Анализ устойчивости кооперативной формы хозяйствования аграрного сектора России в контексте институциональной теории фирмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2019. Т.35. Вып. 2. С. 251–268. Sobolev A., Kurakin A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in Rural Russia: Past, Present and Future // Mir Rossii. 2018. Vol.27, No.1, P. 65–89.

⁴³ Mamonova N., Visser O. State Marionettes, Phantom Organisations or Genuine Movements? The Paradoxical Emergence of Rural Social Movements in Post-Socialist Russia // Journal of Peasant Studies. 2014. Vol.41, No.4, P. 491–516.

отношения на региональном уровне к созданию кооперативного движения (например, Белгородская область), которые заслуживают отдельного рассмотрения.

Хотя крупный аграрный капитал, по аналогии с мировым опытом, должен непременно вступать в антагонистические отношения с традиционными (в России – постколхозными) сельскими сообществами, возникают элементы корпоративной социальной ответственности сельскохозяйственных предприятий, которые наследуют черты советского симбиоза.⁴⁴ Причем, это происходит не только в умирающих предприятиях.⁴⁵

В результате, в России наблюдается, с одной стороны, формирование крупного аграрного капитализма, который должен приводить (и зачастую приводит) к аналогичным последствиям, отмечаемым в международных академических исследованиях. С другой стороны, наблюдаются элементы институциональной инерции, когда противовесом аграрному капиталу выступает уже не традиционное крестьянское хозяйство (как в странах Третьего мира), а постколхозное сельское сообщество. На данные процессы накладывается также и разнонаправленная региональная аграрная эволюция.

Однако остается не до конца ясным, в каких случаях одна из указанных выше тенденций преобладает, и отчего зависит разрыв или сохранение практик симбиоза и социального патронажа со стороны предприятий. Также при обсуждении эволюции взаимоотношений предприятий и сельских сообществ (симбиоза и патронажа) невольно происходит концептуальный разрыв, связанный с переходом от плановой к частнокапиталистической экономике (прежде всего, появление феномена фирмы, корпорации), тогда как на практике такого резкого разрыва не происходило.

Цель исследования

Раскрыть характер институциональных изменений в социально-экономической организации сельских сообществ постсоветской России от позднесоветского симбиоза и патронажа к новым формам в виде корпоративной социальной ответственности и кооперативной самоорганизации в условиях становления аграрного капитализма и усиления роли крупного аграрного капитала.

Эти институциональные изменения возможно представить в следующих гипотетических утверждениях:

1. За тридцатилетие постсоциалистического реформирования отношений сельскохозяйственных предприятий с сельскими сообществами можно ожидать передачу социальных функций сельскохозяйственных предприятий институтам муниципальной власти. На смену социалистическим колхозным отношениям с сельскими сообществами должны прийти капиталистические отношения корпоративной социальной ответственности (КСО).

⁴⁴ Davydova I., Franks J. Responses to Agrarian Reforms in Russia: Evidence from Novosibirsk Oblast // Journal of Rural Studies. 2006. No.22, P. 39–54.

⁴⁵ Никулин А.М. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1, С. 17–33.

2. В этих условиях предполагается полное отмирание колхозно-совхозных симбиотических отношений аграрных предприятий с сельскими домохозяйствами.
3. Региональные и локальные модели властных отношений между агробизнесом, государством и сельскими сообществами определяют направление и характер отношений, и их эволюцию в сторону «континентально-европейской» или «англосаксонской» моделей КСО. В случае господства крупного агробизнеса стоит ожидать модель явной КСО, а в случаях, когда интересы агробизнеса сдерживаются другими сторонами (властями или сельскими сообществами), то можно ожидать формирование скрытой КСО.
4. Поддержка государством организации кооперативного движения противоречит независимой природе кооперации как формы низовой самоорганизации сельского населения и приводит к появлению нежизнеспособных кооперативных форм.

Задачи исследования:

1. Показать влияние крупного частного капитала на практику социального патронажа над социальной инфраструктурой и социальной сферой села.
2. Проанализировать воздействие крупного частного капитала на трансформацию симбиоза сельскохозяйственных предприятий и личных подсобных хозяйств.
3. Раскрыть причины возникновения нового баланса социально-экономических сил в сельском хозяйстве и зоны сохранения устойчивых традиционных практик патронажа на примере двух аграрно-развитых регионов России (Краснодарского края и Алтайского края).
4. Продемонстрировать потенциал и ограничения организации государством сельской кооперации среди личных подсобных и фермерских хозяйств как альтернативы крупному агробизнесу (на примере Белгородской области).

Научная новизна

1. Постсоциалистическая трансформация отношений сельскохозяйственных предприятий с сельскими сообществами впервые представлена через категориальный аппарат корпоративной социальной ответственности (КСО), что позволило более отчетливо показать, как преемственность экономики села в ее плановом и рыночном состояниях (тем самым преодолев их дискретность), так и выстроить параллели с аналогичными процессами в других странах. В работе показано, что система советского патронажа трансформируется либо в модель явной КСО (explicit CSR), либо в модель скрытой КСО (implicit CSR).
2. В работе впервые предложена концептуальная модель, согласно которой сохранение симбиотических отношений, их разрушение или даже переход в свою противоположность (захват земель, подавление альтернативных форм хозяйствования, ориентация на экспортные монокультуры и т.п.) зависит от соотношения сил между тремя сторонами: агропредприятиями, региональными властями и местными сообществами.

3. Региональные особенности эволюции КСО в сторону ее явной или скрытой формы в работе объясняются, исходя из описанной выше модели властных отношений между агробизнесом, государством и сельскими сообществами. При главенстве агробизнеса (или его альянса с местными властями) формируется модель явной КСО, тогда как в случаях, когда агробизнес вынужден учитывать интересы местной власти и/или местных сообществ, создаются условия для формирования скрытой КСО.

4. В работе впервые продемонстрирована (на примере Белгородской области) возможность организации государством реально работающей сельской кооперации. Вместе с тем, в работе обосновано положение о том, что краткосрочные успехи сельской кооперации сочетаются с неустойчивостью и неопределенностью в долгосрочном периоде. Впервые эмпирически показаны причины такой неустойчивости: 1) зависимость от государственной опеки, 2) проблемы идентичности членов кооперативов, 3) корпоративная, а не кооперативная логика менеджмента.

Методы сбора и анализа данных

По теме корпоративной социальной ответственности использованы материалы полевых исследований (неформализованные интервью), проведенных А.М. Никулиным в Краснодарском крае (2011, 2014, 2017 гг. и ранее; автор участвовал в проведении 5 интервью в 2017 г.) и Алтайском крае (автором в составе исследовательского коллектива с участием А.М.Никулина, О.П.Фадеевой, В.Г.Виноградского и О.Я.Виноградской) в 2013 и 2015 гг. Всего по Краснодарскому краю было взято 118 интервью, по Алтайскому краю 94 интервью. Опрашивались сельские домохозяйства, представители сельскохозяйственных предприятий (менеджеры и наемные работники) и работники несельскохозяйственных организаций (муниципальные администрации, школы, детские сады, поликлиники, дома культуры).

Также обследовались корпоративные вебсайты 20 крупнейших сельскохозяйственных производителей в каждом регионе (Краснодарском и Алтайском краях) со сбором информации о корпоративной социальной ответственности. Компании были отобраны по выручке от реализации (оборот) по базе данных Руслана за 2019 г. (бюро Ван Дейк, компания Мудис).

Кроме того, в Алтайском крае осенью 2013 г. автором (совместно с А.М. Сергиенко) были проведены кейс-стади в 5 сельских поселениях, посвященных взаимоотношениям местных предприятий и сельских сообществ. Проводились интервью с представителями предприятий и сельских администраций, а также групповая дискуссия с фермерами. Помимо фермеров, в выборку попали предприятия разной организационной формы: государственное предприятие, ЗАО, ОАО (выкупленное московским холдингом), СПК.

Тема сельскохозяйственной кооперации показана на примере двух потребительских кооперативов в Белгородской области (молочного и овощеводческого). Сбор данных проводился осенью 2010 г. автором и А.М. Никулиным. Были проведены 2 групповых дискуссии на станциях сбора молока в молочном кооперативе и 1 групповая дискуссия в здании детского сада (потребителя продукции кооператива). В каждой дискуссии принимали участие представители кооператива (управляющие и рядовые члены), нанятые

работники, внешние контрагенты и областные чиновники, отвечающие за продвижение кооперации в районе. Эти дискуссии составили эмпирическую основу раздела по кооперации. Дополнительно были проведены еще два интервью с чиновниками, курирующими программы развития кооперации в области и интервью с заместителем главы областного департамента АПК. Наконец, была проведена групповая дискуссия с участием областных чиновников, где обсуждались их видение развития малых форм хозяйствования на селе.

В сюжете о корпоративной социальной ответственности и симбиозе центральными темами были материально-финансовые потоки между муниципалитетами, предприятиями и личными подворьями, а также отношения занятости на предприятиях. Эти темы проявлялись через рассказы о предприятии (его историю, проблемы, успехи, отдельно – земельный вопрос, карьеру респондентов), личное подсобное хозяйство (в том числе вопрос о земельных паях), трудовую историю работника, работу муниципалитета или социального учреждения (в зависимости от типа респондента). Каждая выявленная практика симбиоза или КСО иллюстрировалась на конкретных примерах, через которые можно было понять степень формализации отношений, и кто главный в этих отношениях. Мотивация фиксировалась не только через прямые вопросы, но и через описание ситуаций, примеров, по которым можно определить выгоды сторон. Фактически лонгитюдное наблюдение одного из районов Краснодарского края, проводимого А.М. Никулиным, позволяло проследить историю локальных предприятий и динамику взаимоотношений предприятий и сообществ.

Проведенные 5 кейс-стади в Алтайском крае были целенаправленно осуществлены для выявления отношений КСО между предприятиями разной организационной формы и сельскими муниципалитетами. Единицей анализа здесь было сельское поселение, его история и история ключевого сельскохозяйственного предприятия, что позволяло получить взгляд на одни и те же события с двух сторон. Важной задачей здесь было понять влияние формы собственности на характер КСО.

Кооперативный сюжет раскрывается через анализ истории создания и функционирования двух кооперативов в Белгородской области в 2010 г. Информация получена из трех источников: руководства кооперативов, районных и областных чиновников и рядовых членов кооперативов. Это позволило не только проследить, как на практике осуществляются планы областной администрации, но и выявить мотивы и характер взаимоотношений между руководством кооперативов, их рядовыми членами и чиновниками. Мотивация и взаимоотношения раскрываются через личные истории респондентов, примеры решения конкретных проблем, через рефлексии по поводу этих проблем, планирование своих действий.

Выбранные регионы (Краснодарский край, Алтайский край и Белгородская область), безусловно, не отражая всей палитры региональных особенностей сельской эволюции России, тем не менее, являются достаточно характерными объектами для межрегиональных сравнений. Каждый из этих регионов является сельскохозяйственным

лидером в своих Федеральных округах и природно-климатических зонах.⁴⁶ Памятуя о метафоре Маркса, что «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»⁴⁷, мы можем утверждать, что передовые в сельскохозяйственном отношении регионы в определенной степени представляют типичные и долговременные тенденции в сельском развитии всей страны.

Положения, выносимые на защиту

1. Частный аграрный капитал (особенно крупный) избавляется от практик социального патронажа, заменяя его в лучшем случае моделью явной КСО. Там, где частный капитал вынужден учитывать интересы местных властей или сельских сообществ, практики патронажа легче сохраняются в виде скрытой КСО. Это наблюдается на примере менее крупных частных предприятий, укорененных в местной среде.
2. Частный аграрный капитал избавляется от практики советского симбиоза с ЛПХ. Более того, осуществляется давление на ЛПХ (запрет своим работникам держать птицу или свиней, общий запрет по региону по санитарным соображениям) и возникновение хищнических форм конкуренции (особенно за землю). Остатки симбиоза существуют в виде натуральной арендной платы за земельные паи. Менее крупный и имеющий местные корни (укорененный) капитал не столь враждебно настроен к ЛПХ и частично сохраняет традиции симбиоза.
3. В регионах с доминированием крупного агробизнеса происходит формирование явной КСО (на примере Краснодарского края). В случае менее крупного и более укорененного агробизнеса появляются условия для формирования скрытой КСО (на примере Алтайского края).
4. Если местные власти всерьез занимаются вопросом оживления производства сельских домохозяйств за счет кооперации, появляются позитивные результаты, но кооперативы получают внутренне нестабильными и неустойчивыми, что ставит под вопрос их самостоятельное (без опеки властей) функционирование в долгосрочном периоде (на примере Белгородской области).

Результаты исследования

1. Явная корпоративная социальная ответственность (на примере Краснодарского края)⁴⁸

Краснодарский край является наиболее благоприятным в России регионом для ведения сельского хозяйства (почва, климат, инфраструктура, доступ к портам, населенность). Именно он (наряду с Ростовской областью и Ставропольским краем) стал главной

⁴⁶ По данным Росстата, Краснодарский край, Алтайский край и Белгородская область стабильно входят в лидеры сельскохозяйственного производства в России по многим показателям.

⁴⁷ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. М.: Политиздат, 1980.

⁴⁸ Подробнее изложено в: Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

мишенью для экспансии так называемых агрохолдингов. Именно это обстоятельство определило быструю кончину практик советского симбиоза и патронажа и приход на их место модели явной КСО, порой просто косметической. В пользу этого тезиса говорят следующие обстоятельства: относительно высокий для сельского хозяйства России уровень публичности деятельности в рамках КСО через вебсайты компаний; уменьшение реальной поддержки сельским сообществам; инструментальные мотивы, направленные на разрыв с прошлыми практиками; разделение сельских жителей на владельцев земельных паев и остальных.⁴⁹

Из 20 крупнейших сельскохозяйственных предприятий края 13 имеют свой вебсайт, а 7 имеют разделы о социальной ответственности. Наиболее часто упоминается поддержка детей и школьников, спорта и культуры, уязвимых групп (инвалиды, сироты).⁵⁰

Мы не встретили в интервью упоминаний о социальных (внутренних) мотивах оказания социальной поддержки. Даже бывший директор предприятия, которое изучалось на протяжении десятка лет, оказывавший нетипично щедрую помощь местному населению и станице, заявил, что специально не пресекал воровство работников, чтобы это их разделило, а он, тем самым, укреплял свою власть.⁵¹

Инструментальные мотивы также отсутствуют. Во-первых, в регионе нет недостатка в рабочей силе, т.к. недалеко находятся страны-источники трудовых мигрантов. Во-вторых, работа на ЛПХ отвлекает работников от работы на предприятие. В-третьих, богатый агробизнес вкладывается в механизацию, что также снижает потребность в рабочей силе.⁵² В-четвертых, происходит дифференцированное отношение предприятий к владельцам земельных паев, которым агробизнес порой готов идти навстречу.⁵³

Поддерживая агрохолдинги, государство рассчитывает, что их действия не будут приводить к открытым протестам, как это было в 2016 г. в случае тракторного марша на Москву, организованную местными фермерами с целью пожаловаться в Кремль на местную аграрную политику.⁵⁴ Следовательно, хоть какая-то форма КСО от агробизнеса ожидается, поэтому не удивительно, что они избирают модель явной КСО, носящей, к тому же, нередко вообще чисто косметический характер.

⁴⁹ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

⁵⁰ По базе Руслана бюро Ван Дейк.

⁵¹ Историю своего предприятия он записал в книге мемуаров: Андрющенко В.К., Кочегура А.Т. Судьба моя – земля Приволья. Краснодар: Периодика Кубани, 2001.

⁵² Pallot J., Nefedova T. Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press, 2007, P. 83.

⁵³ Ioffe G., Nefedova T., de Beurs K. Agrarian Transformation in the Russian Breadbasket: Contemporary Trends as Manifest in Stavropol // Post-Soviet Affairs. 2014. Vol.30, No.6, P. 441-463.

⁵⁴ Mamonova N. Naive Monarchism and Rural Resistance in Contemporary Russia // Rural Sociology. 2016. Vol.81, No.3, P. 316-342.

2. Неявная корпоративная социальная ответственность (на примере Алтайского края)⁵⁵

Также, как и Краснодарский край, Алтайский край, обладает плодородными почвами. Однако в Алтайском крае выше риски ведения сельского хозяйства из-за большей по сравнению с регионами юга Европейской России повторяемости засух и иных неблагоприятных климатических явлений. Вследствие этого особо крупного агробизнеса здесь на порядок меньше, чем в Краснодарском крае, и даже доля сельскохозяйственных предприятий не столь высока. Зато заметна роль фермерских хозяйств и особенно ЛПХ.

Заметность КСО среди крупнейших сельскохозяйственных предприятий в Алтайском крае заметно ниже, чем в Краснодарском крае. Так, из 20 крупнейших предприятий региона только 9 имеют вебсайт и только 4 упоминают деятельность в сфере КСО.⁵⁶

Во-первых, предприятия продолжают спонсировать социальную инфраструктуру поселений, причем не только «по мелочи» (чистка дорог от снега, поддержка школ и домов культуры), но и по-крупному, включая водоснабжение, теплоснабжение и газоснабжение. Во-вторых, предприятия здесь поддерживают диверсифицированное производство и не переходят к монокультурам. Особенно характерно скотоводство, которое в лучшем случае не приносит предприятиям прибыли, но зато обеспечивает занятость местному населению.⁵⁷ Производство в ЛПХ здесь также не обвалилось столь стремительно, как в Краснодарском крае.

В интервью часто обнаруживалось то, что можно назвать социальными (внутренними) мотивами социальной поддержки, в противопоставление инструментальным мотивам. Менеджмент предприятий постоянно подчеркивает, что сельские поселения – это их родной дом, а работники – их соседи, друзья или бывшие одноклассники. Нередко управленческие кадры предприятий состоят из людей, родившихся в данном районе или непосредственно в данном поселении.⁵⁸

Тем не менее, инструментальные мотивы также присутствуют. Прежде всего, это мотив сохранения работников, т.к. Алтайский край слабо заселен и испытывает миграционный

⁵⁵ Подробнее изложено в: Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599; Kurakin A. When the State is Shirking: Informal Solutions for Social Services Provision in Altai Villages // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 145-159.

⁵⁶ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

⁵⁷ Bavorova M., Ponkina E. Which Agricultural Businesses Financially Support the Development of Social and Rural Infrastructure in Russia / Paper presented at the Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) Forum 2018, Halle, June 26-28, P.15.

⁵⁸ Moser E. Forms of Communication between Large-scale Farms and Local Administrative Authorities in Russian Villages: About Benefactors and Sponsors // Europe-Asia Studies. 2016. Vol.68, No.8, P. 1369-1395.

отток как из региона, так и из сельских районов. Текучесть кадров и нежелание местных (особенно молодежи) работать в сельском хозяйстве отмечали многие респонденты.⁵⁹

По результатам сбора эмпирической информации мы получили целую галерею кейс-стади, показывающую взаимоотношения разных типов предприятий и сельских сообществ, построенных на неформальной поддержке сельских поселений со стороны бизнеса. Несмотря на то, что размер этой поддержки не сопоставим с советским прошлым, он все равно сохраняется и определяется не только инструментальными мотивами, но и следованию нормам, сложившимся в сельских сообществах. Последнее мы называем институциональной инерцией или новой жизнью старых институтов. Размер помощи определяется неформальным пониманием обеих сторон, что просить «по совести», а что нет. Ниже приведены примеры из наших кейс-стади:⁶⁰

1. Государственное сельскохозяйственное предприятие решает проблемы с водоснабжением поселения, а также выделяет средства на решение текущих мелких проблем (например, на заправку бензином автомобиля, чтобы отвезти детей на фестиваль в райцентр).
2. ЗАО, будучи частным предприятием, продолжает обеспечивать учреждения трех соседних поселений водой и отоплением даже себе в убыток и не сбрасывает с баланса эту непрофильную деятельность, доставшуюся предприятию от своего предшественника-совхоза. Оно даже готово предоставлять эти услуги дешевле, но налоговая инспекция не дает это сделать. Помимо широко распространенного в интервью мотива, что «мы все живем в деревне, поэтому так надо – тут же никого больше нет», подобную деятельность поддерживают акционеры, являющиеся местными жителями.
3. Враждебное поглощение (когда работников заставили продать свои доли) сахарного завода московским предприятием и назначение нового директора ослабило помощь местной администрации, однако не искоренило ее. Новый директор, хоть и не местный по рождению, уже долго живет в поселке (женат на местной уроженке) и считает его своим домом. Он вынужден лавировать между запросами местной администрации и финансовой дисциплиной, навязываемой из центрального офиса.
4. Фермеры, несмотря на присущий им индивидуализм, также не могут избежать социальной нагрузки. Помимо вышеупомянутых мотивов, здесь играет роль и важность нормальных взаимоотношений с местным сообществом, а особенно – с владельцами земельных паев, которые фермеры арендуют. С последними фермеры поддерживают симбиотические отношения, обеспечивая ресурсами и услугами их личные подсобные хозяйства.
5. Сельскохозяйственный производственный кооператив также оказывает всевозможную помощь муниципалитету, включая отопление местной школы и клуба за свой счет.

⁵⁹ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // *Canadian Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

⁶⁰ Kurakin A. When the State is Shirking: Informal Solutions for Social Services Provision in Altai Villages // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 145-159.

Организационная форма предрасполагает к такой социальной нагрузке, т.к. большинство членов кооператива – местные жители.

Таким образом, предприятия самой разной организационной формы выполняют схожие социальные функции, только с разной степенью вовлеченности.⁶¹

3. Превращение симбиоза в форму хищнического капитализма (на примере Краснодарского края)⁶²

Пример лонгитюдного обследования судьбы бывшего колхоза в Каневском районе показывает, что после смерти его первого постсоветского директора и разделения предприятия на части между рассорившимися «наследниками», отделанный мрамором дом культуры постепенно приходит в упадок.⁶³ Главы новообразованных предприятий сокращают поддержку ЛПХ работников и жителей в целом, пресекают все попытки традиционного воровства. Бывшие симбиотические отношения трансформировались в натуральную оплату аренды земельных паев (зерно, сено).

Происходит так называемая «оптимизация» производства, в ходе которой закрываются потенциально неприбыльные виды деятельности, что сопровождается увольнением избыточной рабочей силы. Данные процессы, особенно характерные для юга России, фиксируют и другие исследователи.⁶⁴ Когда-то диверсифицированное производство колхозов и совхозов сменяется господством монокультур (прежде всего, зерновых).

Если в целом по стране крупный агробизнес пользуется привилегированным доступом к кредитам, субсидиям и прочей поддержке со стороны,⁶⁵ то отношения между крупными агрохолдингами и местными властями в Краснодарском крае особенно тесные и непрозрачные. Наиболее яркий пример здесь – это «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачева, названный в честь своего первого директора и отца бывшего главы края, а затем бывшего министра сельского хозяйства. Происходит концентрация земли в огромных масштабах в интересах отдельных акторов.

Попытки сопротивления снизу, в том числе муниципальных администраций, жестко пресекаются. Например, в одном из районов совместное противостояние земельным захватам, предпринятое директорами нескольких агропредприятий, фермерами и главой

⁶¹ Kurakin A. When the State is Shirking: Informal Solutions for Social Services Provision in Altai Villages // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 145-159.

⁶² Подробнее изложено в: Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // *Canadian Journal of Development Studies*. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599

⁶³ Никулин А.М. Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества / *Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России*. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002, С.343-373.

⁶⁴ Pallot J., Nefedova T. Russia's Unknown Agriculture: Household Production in Post-Socialist Rural Russia. Oxford: Oxford University Press, 2007, P. 117. Ioffe G., Nefedova T., de Beurs K. Agrarian Transformation in the Russian Breadbasket: Contemporary Trends as Manifest in Stavropol // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Vol.30, No.6, P. 441-463. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: Ленанд, 2013.

⁶⁵ Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. Oligarchs, Megafarms and Land Reserves: Understanding Land Grabbing in Russia // *Journal of Peasant Studies*. 2012, Vol.39, No.3-4, P. 899-931.

района было жестко подавлено.⁶⁶ События в станице Куцевская прогремели на всю страну и сделали фамилию Цапков нарицательной.⁶⁷ Можно предположить, что это только вершина айсберга, которая тогда всплыла наружу. Периодически случаи захвата земель со стороны агробизнеса и не без помощи местных чиновников всплывают в прессе.⁶⁸

Еще одной (вольной или не вольной) формой наступления на ЛПХ является запрет держать свиней в подсобных хозяйствах из-за угрозы распространения в регионе африканской чумы свиней, вспышки которой действительно фиксировались в регионе.⁶⁹ Подобная же практика характерна, например, для Белгородской области, известной своими огромными свиноводческими комплексами.⁷⁰ Сюда же стоит добавить и распространенный запрет держать живность в своем хозяйстве для работников животноводческих комплексов по санитарным соображениям (работники птицефабрик не могут держать любую птицу, даже волнистого попугайчика, а работники свиноферм – свиней). Так или иначе, но производство в домашних хозяйствах той же продукции, что и в крупных хозяйствах стремительно сокращается как естественным путем, так и путем административных запретов.

4. Инерция симбиотических отношений (на примере Алтайского края)⁷¹

Важную роль в сохранении советских практик симбиоза крупных и мелких хозяйств играет и более значимая роль фермерских хозяйств в Алтайском крае. Казалось бы, фермерские хозяйства, как правило, более мелкие и, следовательно, имеют меньше возможностей поддерживать на плаву ЛПХ. Однако, с другой стороны, они сильнее укоренены в местных сообществах, и для фермера гораздо неприятнее оказаться в ссоре с местными жителями, чем для приезжего директора крупного агрохолдинга. Кроме того, алтайские фермеры слабо вовлечены в молочное животноводство, тогда как ЛПХ производят значительные объемы молока и нуждаются в кормах, которые могут предоставить фермеры, занимающиеся растениеводством. Наконец, фермеры заинтересованы в сохранении аренды земельных долей от местных жителей, да и способов предотвратить кражи со своих хозяйств у них меньше, нежели у крупных

⁶⁶ В апреле 2004г. глава района Е.Д.Кухлев был приговорен к условному сроку за злоупотребление служебным положением. <https://regnum.ru/news/272865.html> (последнее обращение 17 февраля 2019). По словам наших информантов, это была месть за сопротивление по земельным вопросам.

⁶⁷ <https://rg.ru/2013/11/19/reg-ufo/pozhizneno.html> (последнее обращение 17 февраля 2019). <https://ria.ru/20131119/978100199.html> (последнее обращение 17 февраля 2019).

⁶⁸ Тихомиров Р. Вместо Цапков пришли «Покровские». 2017. 6 июля http://kavpolit.com/articles/vmesto_tsapkov_prishli_pokrovskie-34653/

⁶⁹ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

⁷⁰ Visser O., Mamonova N., Spoor M., Nikulin A. 'Quiet Food Sovereignty' as Food Sovereignty without a Movement? Insights from Post-socialist Russia // Globalizations. 2015. Vol. 12, No.4, 513-528.

⁷¹ Подробнее изложено в: Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599\

хозяйств, которые могут для этого нанять персонал.⁷² Поэтому лучше поддерживать добрососедские отношения с местными жителями, что предполагает разумную помощь их ЛПХ.

В отличие от Краснодарского края, алтайские ЛПХ не испытывают давления или административных рестрикций для ведения своих хозяйств. Поэтому, несмотря на некоторое сокращение производства, характерное для страны в целом, они избежали резкого падения производства мяса и молока.

Как правило, крупные и мелкие хозяйства специализируются на разных видах сельскохозяйственного производства и разных культурах, не вступая в прямую конкуренцию. И наиболее перспективные экспортные направления оккупируют крупные предприятия. Есть, разумеется, и исключения, в числе которых и Алтайский край, где ЛПХ успешно конкурируют (или относительно мирно сосуществуют) с предприятиями в животноводстве, в том числе молочном. А молоко – это как раз специализация Алтайского края (помимо зерновых). Следовательно, это можно рассматривать как индикатор относительной устойчивости ЛПХ и отсутствия давления на них со стороны агробизнеса и/или местных властей.⁷³

Здесь стоит заметить, что устойчивость ЛПХ и значительные валовые объемы продукции, произведенные в сельских подворьях, не означают благополучие и экономическое процветание сельских жителей. Алтайский край по статистическим показателям является одним из самых неблагополучных с точки зрения доходов населения (в том числе, сельского) в своем федеральном округе и в России в целом. Мы иллюстрируем лишь регионально разные модели экономического обеспечения сельского населения и его социальной организации. Сокращение объемов производства в ЛПХ происходит по стране повсеместно и связано не только с ограничениями со стороны государства и крупного бизнеса, но и с внутренними причинами сельских домохозяйств: старением населения, отъездом молодежи, нежеланием новых поколений заниматься ЛПХ, развитием торговых сетей, предоставляющим легкий доступ к аналогичным товарам.

Более того, сложилась такая ситуация, что краевые власти вынуждены стимулировать предприятия сохранять поголовье скота для поддержания занятости сельского населения.⁷⁴ В 2015 г. указом губернатора Алтайского края № 22 "О повышении социальной ответственности работодателей Алтайского края" был выпущен региональный реестр социально ответственных предприятий, вхождение в который дает преимущества при включении предприятия в разнообразные программы государственной поддержки.⁷⁵

⁷² Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.

⁷³ Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599.

⁷⁴ Bavorova M., Ponkina E. Which Agricultural Businesses Financially Support the Development of Social and Rural Infrastructure in Russia / Paper presented at the Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) Forum 2018, Halle, June 26–28, P.6.

⁷⁵ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2200201503160003> (последний доступ 9 марта 2022).

Помимо формальных мер, региональные власти неформально понуждают предприятия сохранять поголовье и помогать ЛПХ и поселковым администрациям.⁷⁶

5. Кооперативная альтернатива для сельских домохозяйств (на примере Белгородской области)⁷⁷

Существует давно испробованный на практике в разных частях света способ самоорганизации населения (и не только сельского), представляющий собой альтернативу взаимодействию с крупными экономическими агентами – это кооперация. В постсоветской России предпринимались попытки запустить потребительскую кооперацию на селе, но все безуспешно.⁷⁸ Наиболее масштабным мероприятием был национальный проект «Развитие АПК», стартовавший в 2006 г., и предполагавший, помимо прочего, развитие малых форм хозяйствования на селе.⁷⁹ Одним из механизмов такого развития была объявлена кооперация. Такое развитие кооперации «сверху» сразу столкнулось с формализмом, когда спускаемые планы по созданию кооперативов выполнялись путем создания мертворожденных кооперативов, существовавших только на бумаге⁸⁰.

Исключением были несколько регионов, из которых выделялись Татарстан⁸¹, Липецкая область⁸² и Белгородская область. Типичный пример формального подхода к развитию кооперации представлен в исследованиях Головиной и Нильссона на примере Курганской области.⁸³ Белгородская же область выглядела скорее исключением из общего правила и выгодным образом отличалась от Курганской области тем, что созданные кооперативы не умирали сразу, а уже несколько лет перед нашим полевым этапом работали и оказывали реальные услуги своим членам – например, обеспечивали сбыт производимой продукции, предлагали семена и удобрения, выдавали кредиты. Исследованные нами молочный и

⁷⁶ Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015, С. 142.

⁷⁷ Подробнее изложено в: Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181; Куракин А. А. Неклассические сельскохозяйственные кооперативы Белгородской области: как власть учреждает кооперацию // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2012. № 4. С. 50-63.

⁷⁸ См., например: Овчинцева Л.А. Сельские кооперативы: цели прежние, проблемы новые // *Крестьяноведение*. 2017. Т.2. №2. С. 121-141.

⁷⁹ Барсукова С.Ю. Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: идея и реализация // *Вопросы статистики*. 2007. №11, С. 19-31.

⁸⁰ Franks J., Davydova I. Reforming the farming sector in Russia: new options for old problems // *Outlook on agriculture*. 2005. Vol.34, No.2, P. 97–103. Golovina S., Nilsson J. The Russian top-down organised co-operatives – reasons behind the failure // *Post-communist economies*. 2011. Vol.23, No.1, P. 55–67.

⁸¹ Cooperative sector in Russia and the implementation of the ILO recommendation no. 193 in the development of different Russian cooperative trends. Analytical report. Moscow: International Labour Office, 2009. Янбых Р. и др. Мониторинг деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов / *Состояние и перспективы развития кооперации в аграрном секторе экономики*. М.: ВИАПИ, 2012.

⁸² Областная целевая программа «Развитие кооперации в Липецкой области на 2013–2020 гг.». Постановление администрации Липецкой области от 15 октября 2012 г. №416.

⁸³ Golovina S., Nilsson J. Russian agricultural producers' views of top-down organized cooperatives // *Journal of rural cooperation*. 2009. Vol.37, No.2, P. 225–241. Golovina S., Nilsson J. The Russian top-down organised co-operatives – reasons behind the failure // *Post-communist economies*. 2011. Vol.23, No.1, P. 55–67.

овощеводческий кооперативы собирались расширять автопарк и устанавливать оборудование для переработки.⁸⁴

Формально в Белгородской области тоже все делали по разрядке. С областного уровня планы спускали на районы, а оттуда – на поселения. Но в области в 2007 г. создали собственную региональную программу по развитию малых форм хозяйствования «Семейные фермы Белогорья»⁸⁵, которая предусматривала субсидированные кредиты и гарантии по кредитам, а также консультационную помощь районных администраций. Авторы программы видели ее не как экономический проект, а как социальную программу по борьбе с сельской бедностью, безработицей, депопуляцией, алкоголизмом и т.п., т.е. экономической отдачи от нее не ожидали (экономический результат в АПК области обеспечивают агрохолдинги).

Самое главное, что в областной администрации подошли к данному вопросу заинтересованно, а не просто, чтобы отчитаться перед центром. В результате, если в 2000 г. в области было 20 сельскохозяйственных кооперативов, то к 2009 г. было создано уже 465.⁸⁶

Сутью деятельности молочного кооператива (первый кейс-стади) был сбор молока с сельских подворий (членов кооператива) и поставка его на молочный завод, который тогда был главным каналом сбыта молока для кооператива, не считая нескольких точек на районном центральном рынке. Кооператив также выдавал займы своим членам на покупку новых коров с последующим возвратом кредита сданным молоком и снабжал кормами.

Овощеводческий кооператив занимался практически тем же самым, только вместо молока были овощи. Каналов сбыта у него было больше, среди которых был один специфический – социальные учреждения района (школы, детские сады, больницы). Также кооператив сотрудничал с фермерскими хозяйствами, которые не были членами кооператива.

В обоих этих случаях программа «Семейные фермы Белогорья» работала по идентичной схеме – создавала защищенные от конкуренции каналы сбыта для созданных кооперативов, в которых кооперативы были посредниками между производителями (членами кооператива, но не только) и покупателями продукции. Созданные ими каналы гарантировали сбыт.⁸⁷

В случае овощеводческого кооператива таким защищенным и административно созданным каналом сбыта были контракты с социальными организациями района, которые появились у кооператива одновременно все разом, а не накапливались

⁸⁴ Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181.

⁸⁵ Областная целевая программа «Семейные фермы Белогорья». Постановление администрации Белгородской области от 18 июня 2007 г. №134.

⁸⁶ Никулин А.М. Миссия крестьянства и обязанности государства // *Крестьянские ведомости*, 12 января 2009.

⁸⁷ Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181.

постепенно, что было бы характерно для контрактации независимых экономических агентов.

В случае молочного кооператива административная природа единственного канала сбыта (молочного завода) вскрылась в ходе групповой дискуссии, когда глава кооператива рассказала о конфликте с заводом (причем кооператив был сам виноват). В итоге вмешался глава района и надавил на руководство молокозавода, чтобы тот снова начал принимать молоко от кооператива.

Такая опека со стороны администрации района выгодна в краткосрочном периоде, но вызывает опасения в долгосрочном периоде, поскольку такая опека не может продолжаться вечно. Кроме того, оба исследованных кооператива сталкиваются с двумя внутренними трудностями, порождающими сомнения в их жизнеспособности, хотя на момент сбора данных это были вполне успешные, полезные для своих членов организации.

Первую трудность можно сформулировать как нехватку кооперативной идентичности членов. Кооператив как организационная форма предъявляет своим членам дополнительные требования в виде готовности к компромиссу, солидарности. Членов обоих кооперативов, напротив, набирали без особых входных барьеров (был только символический членский взнос), т.к. стояла задача максимального охвата.

Члены молочного кооператива спокойно могли продавать свое молоко не кооперативу, а заезжим перекупщикам из соседней Воронежской области, если те предложат цену немного выше. С точки зрения кооператива, это абсолютно оппортунистическое поведение, невозможное для настоящего члена кооператива. Домохозяйства же не видят в этом ничего предосудительного, т.к. кооператив для них – всего лишь еще один возможный канал сбыта молока. В овощеводческом кооперативе также не видят особой разницы между членом и не членом кооператива (как рядовые члены, так и управляющий). Менеджмент обоих кооперативов даже не задумывается об усилении вовлеченности своих членов в дела кооператива.⁸⁸

Таким образом, кооперативы являются просто посредниками, работающими в интересах не членов, а менеджмента. И отсюда проистекает вторая внутренняя трудность, состоящая в том, что менеджмент руководствуется не кооперативной, а корпоративной логикой, основанной на главенстве прибыли, а не на удовлетворении потребностей своих членов (как считается в классической теории кооперации). В частности, менеджмент обоих кооперативов хочет сократить число поставщиков, отсеив «мелочевку», от которой больше только транспортных расходов. При этом особой разницы между членами и не членами не проводится. Данная логика противоречит не только кооперативным принципам, но и задачам местной администрации, которые ставят во главу угла не экономические, а социальные эффекты от программы.

⁸⁸ Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181.

Никаких признаков трансформации в сторону классических, ориентированных на своих членов и управляемых ими кооперативов мы не наблюдали. Со стороны членов кооперативов наблюдается оппортунистическое поведение. Управляющие, со своей стороны, не намерены как-то усиливать вовлеченность членов в дела кооперативов.⁸⁹

6. За пределами явной и скрытой КСО

Описанная нами трансформация советского симбиоза в явную либо скрытую форму КСО, разумеется, не описывает всей палитры и направлений сельского развития в постсоветской России. Это лишь один из элементов богатой мозаики разнонаправленных векторов сельской эволюции.

Рассматриваемые в данной работе процессы проходят на фоне продолжающейся урбанизации и миграции, прежде всего, молодежи из сел в города. Росстат фиксирует большое количество заброшенных сельских усадеб, особенно в регионах Севера и Нечерноземья.⁹⁰ Взрослое трудоспособное сельское население активно занимается отходничеством, что серьезным образом сказывается на социальной жизни сел.⁹¹ Одновременно наблюдается обратный поток горожан в сельские поселения, пусть пока и не сравнимый с исходом из сел в города.⁹² Это могут быть фрилансеры, дауншифтеры, поклонники идеи родовых поместий, желающие завести свою ферму горожане и т.п. С собой они приносят городскую культуру, вкусы и стиль жизни, меняя тем самым сельские сообщества (один из аспектов «клеточной глобализации», когда элементы глобального проникают в удаленные и, на первый взгляд, оторванные от мировых трендов территории, если использовать термин Н.Е. Покровского).⁹³ Отдельную категорию составляют дачники (по сути, маятниковые мигранты), благодаря которым сельская жизнь оживает в летний период и опять замирает в зимний. Эти процессы усиливают разрыв между сельскими территориями и сельским хозяйством, которые традиционно представляли собой практически единое целое.⁹⁴ Само сельское хозяйство, благодаря механизации и цифровизации, требует все меньше рабочих рук, но предъявляет все большие требования к квалификации. Отсюда возникают, казалось бы, противоположные явления сельской безработицы и нехватки рабочих рук. Тем не менее, полностью отказаться от

⁸⁹ Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region // *Post-Communist Economies*. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181.

⁹⁰ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. Т.8. Атлас переписи. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018.

⁹¹ Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый Хронограф, 2013. Между домом и ...домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый Хронограф, 2016.

⁹² Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // *Социологические исследования*. 2015. № 12. С. 60-69. Звягинцев В.Н., Неуважаева М.А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // *Мир России*. 2015. Т.24, № 1, С.101-135.

⁹³ Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах Ближнего Севера России // *Социологические исследования*. 2013. № 4. С. 13–35.

⁹⁴ Подобные тенденции характерны и для развитых капиталистических стран. См., например: Lobao L., Meyer K. The Great Agricultural Transition: Crisis, Change, and Social Consequences of Twentieth Century US Farming // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol.27, P.103-124.

неквалифицированного ручного труда сельское хозяйство пока не может (как в России, так и в Западных обществах), поэтому данную функцию все чаще выполняют трудовые мигранты.⁹⁵

Помимо общих тенденций, отчетливо просматриваются региональные особенности сельской трансформации. Экономисты отмечают различие в российских регионах по критерию преобладания мелких либо крупных форм сельскохозяйственного производства.⁹⁶ Коллектив исследователей под руководством Е.В.Серовой предложил типологию российских регионов по 16 показателям: демографическим, экономическим, инфраструктурным.⁹⁷ Географы подчеркивают природно-климатические факторы, особенно по линии «Север - Юг», а также поляризацию по линии «центр - периферия».⁹⁸ В этой связи, северные и нечерноземные области обречены на сельскохозяйственный упадок, а южные плодородные области на развитие индустриального, технологически развитого сельского хозяйства. Одновременно города стягивают к себе ресурсы (прежде всего, человеческие), опустошая тем самым удаленные сельские территории.

Такую эволюцию проходят, например, староосвоенные районы России, для которых ключевыми терминами стали «поляризация» и «сжатие».⁹⁹ Однако даже если брать только Северное Нечерноземье, то исследователи отмечают внутри нее многоукладность, когда различаться могут соседние районы.¹⁰⁰ К тому же, на фоне депрессивных тенденций можно найти островки стабильности и устойчивой социально-экономической структуры.¹⁰¹

Нельзя игнорировать и фактор сильной, авторитарной региональной власти, которая способна противостоять крупному межрегиональному агробизнесу и удовлетворять патерналистские настроения сельских сообществ. Такой вариант наблюдался, например, в Белгородской области в период губернаторства Е.Савченко.¹⁰²

⁹⁵ Трудовые мигранты в российском селе / Отв. ред. П.П. Великий. Саратов, 2015.

⁹⁶ Шагайда Н.И., Узун В.Я. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Дело, 2015.

⁹⁷ О состоянии сельских территорий в Российской Федерации в 2018 году. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Вып. 6. М.: Росинформагротех, 2020.

⁹⁸ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003

⁹⁹ Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / Сост. и науч. ред. Т. Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. Обсуждение по теме см.: Дискуссия по докладу Т.Г. Нефедовой «Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России» // Крестьяноведение. 2021. Т.6. №1. С. 154-169. Н.Е. Покровский предлагает концепцию клеточной глобализации. Пример Костромской области см.: Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г., Баскин Л. М. Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. 2021. № 12. С. 124-134.

¹⁰⁰ Божков О.Б., Игнатова С.Н., Троцук И.В., Никулин А.М. Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье. М.: Дело, 2022.

¹⁰¹ Аверкиева К.В. Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение, 2017.Т.2. №4.

¹⁰² Никулин А.М., Троцук И.В., Вегрен С. Идеология и философия успешного регионального развития в современной России: белгородский кейс // Крестьяноведение. 2018. Т.3. №1.

Отдельную тему представляют исследования сельского хозяйства в экстремальных условиях арктических регионов.¹⁰³ Можно видеть феномен сельской глубинки, переходящей порой в автаркию в случае труднодоступных, фактически изолированных сельских сообществ.¹⁰⁴ Особый случай представляют районы дачной колонизации, расположенные, как правило, недалеко от крупных городов, но также и в сельской глубинке.¹⁰⁵ Здесь традиционная сельская жизнь также претерпевает драматические изменения, никак не связанные с формированием явной или скрытой КСО.

Предлагаются разные варианты решения проблем сельского развития в целом¹⁰⁶, а также для депрессивных сельских районов севера и Нечерноземья, связанные с поиском альтернатив традиционному сельскому укладу, связанному с сельским хозяйством.¹⁰⁷

Невозможно игнорировать и этнический фактор в многонациональной России. В этой связи национальные республики представляют собой отдельные истории, наполненные своим национальным колоритом, социальными и культурными особенностями.¹⁰⁸ Этнические различия характерны не только для национальных субъектов России, но и для «коренных» российских земель, где можно наблюдать, например, «постсоветский фермерский интернационал».¹⁰⁹

В связи с таким разнообразием сельской России и траекторий ее эволюции, выдвигаются разные предложения по классификации данного объекта.¹¹⁰ Фадеева предлагает четыре формирующихся на селе уклада: корпоративно-патерналистский, корпоративно-предпринимательский, семейно-потребительский и семейно-предпринимательский.¹¹¹ Никулин и Куракин предлагают модели экономики сельской глубинки, симбиоза, смешанного хозяйства и однополярную экономику в виде господства либо крупного

¹⁰³ Naumov A., Sidorova D., Goncharov R. Farming on Arctic margins: models of agricultural development in northern regions of Russia, Europe and North America // *Regional Science Policy & Practice*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 174-186.

¹⁰⁴ Позаненко А.А. «Отдельная типа республичка»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // *Мир России*, 2018, Т.27, №4.

¹⁰⁵ Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // *Мир России*, Т.25, №1.

¹⁰⁶ Серова Е. В., Наумов А. С., Янбых Р. Г., Орлова Н. В., Абдолова С. Н. Проблемы сельского развития и новые подходы к их решению в России // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2021. № 6. С. 10-16.

¹⁰⁷ Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества // *Мир России*, 2008, Т.17, №4, С. 111-134.

¹⁰⁸ Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003

¹⁰⁹ Божков О.Б., Игнатова С.Н., Троцук И.В., Никулин А.М. Сельское предпринимательство в Северном Нечерноземье. М.: Дело, 2022.

¹¹⁰ См., например: Наумов А. С., Рубанов И. Н., Аблязина Н. Х. Новые подходы к типологии сельских территорий России // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2021. № 4. С. 12-24.

¹¹¹ Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.

агробизнеса, либо мелких семейных полунатуральных хозяйств.¹¹² Однако как любые классификации, данные предложения также несут неизбежную схематизацию и упрощение.

В результате, предложенная в данной работе история о разложении советского симбиоза на два вектора (скрытую и явную КСО), преломляется множеством других (порой, более значимых) факторов, влияющих на сельское развитие.

Основные выводы

1. Сочетание интересов не укорененного на местности крупного аграрного капитала с интересами местных властей и их взаимная поддержка создают наиболее благоприятные условия для разрыва с традицией советского патронажа и симбиоза, и возникновения хищнических форм конкурентной борьбы. В данном вопросе Россия полностью повторяет общемировые тенденции, описанные в литературе. Для такого варианта наиболее органична явная форма корпоративной социальной ответственности (КСО).
2. При господстве крупного агробизнеса без сдержек и противовесов со стороны государственной и муниципальной власти, на месте сельских симбиотических отношений между предприятиями и домохозяйствами могут складываться формы хищнической эксплуатации агрокорпорациями ресурсов местных сообществ.
3. Государственный дирижизм способен выступать верховным арбитром во взаимоотношениях агробизнеса и сельского населения, формируя для этого региональные модели частно-государственного партнерства (на примере Белгородской области).
4. Отклонения от вышеописанных идеально-типических ситуаций (явной формы КСО и хищнического капитализма) способствуют сохранению советских практик патронажа и симбиоза (пусть порой и в ослабленном виде неявной КСО). Такие отклонения могут выражаться в менее крупных размерах и амбициях предприятия, его укорененности в локальном сообществе и эффективном противодействии ему со стороны местных властей и/или сельских сообществ.
5. В удаленных, труднодоступных сельских районах, где отсутствует влияние государства и интересы крупного агробизнеса, часто сохраняются и выживают симбиотические практики, характерные для советского прошлого. На данных сельских территориях и поселениях затруднительно говорить о складывании как явной, так и скрытой моделей КСО. В тех случаях, когда сельскохозяйственное предприятие выжило в период социально-экономических трансформаций, оно может стать своего рода точкой сборки для местного сообщества, в результате чего продолжают воспроизводиться многие практики советского прошлого, помогая сообществам выживать сообща. В случаях же полного коллапса сельскохозяйственного предприятия местные жители порой переходят к

¹¹² Nikulin A., Kurakin A. Contradictions of centralization: Four models of interaction between Russian rural communities and government and agribusiness // The Ambivalence of power in the twenty-first-century economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 2022.

доиндустриальным практикам выживания в индивидуальном порядке (охота, рыбная ловля, собирательство).

6. Попытки административным способом создать жизнеспособные сельскохозяйственные кооперативы не безнадежны, но связаны в России с труднопреодолимыми препятствиями, обусловленными незаинтересованностью местных властей, и/или с недостатком низовых инициатив, что способно свести на нет все усилия федеральных и региональных властей.

7. Формирование явной или скрытой модели КСО вовсе не гарантирует экономическое процветание и устойчивое развитие, на которые влияют множество других социальных факторов (экономических, демографических, миграционных). Устойчивое развитие сельских территорий достигается через сочетание и взаимодействие многообразных хозяйственных форм и институтов: крупного агробизнеса, укорененных локальных аграрных и не аграрных предприятий и организаций, крестьянско-фермерских хозяйств, кооперативов, учреждений социальной сферы, муниципальных и государственных органов.

8. Показанный в работе аспект институциональных изменений в социально-экономической организации сельских сообществ в России, а именно, трансформация советского симбиоза в формы явной или скрытой КСО и зарождение кооперативного движения, представляет трансформационные процессы в сельской России не в виде уникального «русского пути», а использует уже наработанные в международной академической литературе концепции корпоративной социальной ответственности. Безусловно, любая страна и общество обладают своеобразием, и Россия не является исключением. Однако это своеобразие вполне возможно составить, как конструктор, из общезначимого понятийного аппарата общественных наук. В этом плане сельское развитие в России не является уникальным, но обладает своеобразием, вбирая в себя характерные черты мирового аграрного развития. На это еще сто лет назад обращали внимание А.В.Чаянов и Н.П.Макаров.¹¹³ Для современной России также характерны противоречия мирового аграрного развития, связанные с экспансией крупного агробизнеса, корпоративной социальной ответственностью, сельской депопуляцией, устойчивостью мелких сельскохозяйственных производителей, кооперативного движения.¹¹⁴ Сельская Россия в целом, а также отдельные ее регионы, не столько представляют некий «свой путь» сельского развития, сколько сочетают в себе черты как развитых капиталистических стран, так и развивающихся стран Третьего мира.

Ограничения исследования

¹¹³ Макаров Н.П. На великом распутье. Опыт сравнительного анализа эволюции сельского хозяйства Китая, Соединенных Штатов Северной Америки, СССР, Западной Европы (Публикация статьи Н.П. Макарова) // Крестьяноведение. 2019. Т.4. №1. С. 6-21. Чаянов А.В. Письмо А.В. Чаянова В.М. Молотову о представлении записки о современном состоянии сельского хозяйства СССР по сравнению с его довоенным положением и положением сельского хозяйства капиталистических стран от 6 октября 1927 г. // Крестьяноведение. 2018. Т.3. №3. С. 6-18.

¹¹⁴ Никулин А.М. Агро-БРИКС, агромир и село-городская Россия // Крестьяноведение. 2017. Т.2. №4. С. 184-190.

Поскольку в основу работы положены данные неформализованных интервью, то мы не можем судить о степени распространенности выявленных феноменов. Также нельзя делать обобщения о связях, которые в работе носят не статистический, а смысловой характер.

Ограниченный набор регионов (Краснодарский край, Алтайский край, Белгородская область) также не позволяет рассуждать об общероссийских тенденциях. Поэтому, когда в тексте появляются термины «тенденция» и «тренд», они апеллируют либо к смысловой связи, либо к существующей литературе.

Также представленные данные относительно устарели и не отражают новейшие тенденции на сельских территориях. Поэтому выводы можно рассматривать как отражение определенного этапа постсоветской трансформации села.

Апробация исследования

Результаты исследования были апробированы автором в ходе докладов на следующих научных конференциях:

2018: VI Conference of BRICS Initiative of Critical Agrarian Studies (6 конференция критических аграрных исследований БРИКС) (Бразилиа). Доклад: Defensive-Offensive Model of Russian Food Sovereignty: Security, Independence, Self-Sufficiency, Autarky, or Invasion? (Оборонительно-наступательная модель российского продовольственного суверенитета: безопасность, независимость, самодостаточность, автаркия или экспансия?)

2017: 5-th International Conference of the BRICS Initiative for Agrarian Studies 'New Extractivism, Peasantries and Social Dynamics: Critical Perspective and Debate' (5 международная конференция критических аграрных исследований «Новый экстрактивизм, крестьянство и социальная динамика: критика и дебаты») (Москва). Доклад: Agricultural cooperation in Russia: Today and 100 years before (Сельскохозяйственная кооперация в России: сегодня и 100 лет назад)

2015: Future of the Cooperative Model: Creativity, Innovation, and Research (Будущее кооперативной модели: креативность, инновации и исследования) (Париж). Доклад: Cooperatives in Rural Russia: Promising Potential and Controversial Perspectives (Кооперативы в сельской России: многообещающий потенциал и противоречивые перспективы)

2014: Food, Farmland and Forest in Transition (Продовольствие, сельскохозяйственные угодья и леса в состоянии перемен) (Бухарест). Доклад: Social Partnership in Post-Soviet Countryside: Between Socialism, Capitalism and Populism (Социальное партнерство в постсоветском селе: между социализмом, капитализмом и популизмом)

Публикации, выносимые на защиту

1. Visser O., Kurakin A., Nikulin A. Corporate social responsibility, co-existence and contestation: large farms' changing responsibilities vis-à-vis rural households in Russia (Корпоративная социальная ответственность, сосуществование и противостояние: изменение социальных обязательств крупных сельскохозяйственных производителей в

отношении сельских домохозяйств в России) // Canadian Journal of Development Studies. 2019. Vol. 40. No. 4. P. 580-599. (WoS - Q4; Scopus - Q2).

2. Kurakin A., Visser O. Post-socialist agricultural cooperatives in Russia: a case study of top-down cooperatives in the Belgorod region (Постсоциалистические сельскохозяйственные кооперативы в России: случай организованных властью кооперативов в Белгородской области) // Post-Communist Economies. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 158-181. (WoS - Q3; Scopus - Q2).

3. Kurakin A. When the State is Shirking: Informal Solutions for Social Services Provision in Altai Villages (Когда государство «отлынивает»: неформальные способы социального обеспечения в алтайских селах) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2015. Vol. 6. No. 2. P. 145-159. (Scopus - Q4)

4. Куракин А. А. Неклассические сельскохозяйственные кооперативы Белгородской области: как власть учреждает кооперацию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2012. № 4. С. 50-63. (Scopus – Q2)

Другие публикации автора

Nikulin A., Kurakin A. Contradictions of centralization: Four models of interaction between Russian rural communities and government and agribusiness (Четыре модели взаимодействия сельских сообществ, государства и агробизнеса в России) // The Ambivalence of power in the twenty-first-century economy: Cases from Russia and beyond. London: UCL Press, 2022.

Sobolev A., Kurakin A. A., Pakhomov V., Trotsuk I. Cooperation in Rural Russia: Past, Present and Future (Сельская кооперация в России: прошлое, настоящее и будущее) // Мир России: Социология, этнология. 2018. Vol. 27. No. 1. P. 65-89.

Niederle P. A., Kurakin A. A., Nikulin A.M., Schneider S. Soy's King and Wheat's Queen: State intervention and the meaning of leading monocultures in Brazilian and Russian agrarian histories (Король сои и королева пшеницы: государственное вмешательство и значение ведущих монокультур в аграрной истории Бразилии и России) // Sociologies in Dialogue. 2018. Vol. 4. No. 1. P. 26-52.

Нидерле П., Куракин А. А., Никулин А. М., Шнайдер С. Концепция «продовольственных режимов» как модель объяснения стратегий аграрного развития (на примере России и Бразилии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 261-276.

Куракин А. А. «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2014. Т. 9. С. 167-193.

Куракин А. А. Белгородские сельскохозяйственные кооперативы: между администрацией, рынком и сообществами // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. 2012. Т. 7. С. 312-344.

Куракин А. А. Сельское хозяйство России глазами современников (1996–2000 гг.) // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 5. С. 127-155.

Куракин А. А. Сельское хозяйство России глазами современников (1992–1995 гг.) // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 93-119.

Куракин А. А. Сельское хозяйство СССР глазами современников – 2 (1985–1991 гг.) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 4. С. 97-126.

Куракин А. А. Сельское хозяйство СССР глазами современников (1980–1984 гг.) // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 2. С. 86-118.